

П. Я. Чаадаев

Сочинения и письма

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Я. Чаадаев**
Сочинения и письма: Том 1 / П. Я. Чаадаев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 455 с.

ISBN 978-5-458-23138-1

Въ настоящее издание вошли все писанія Чаадаева, какія донине появились въ печати, и все, какія мне сверхъ того удалось разыскать. Такъ какъ моею целью было собрать по возможности все, что вышло изъ-подъ пера Чаадаева, то въ настоящее издание внесены и собственноручныя письменныя «показанія» Чаадаева, данныя имъ на допросахъ 1826 и 1836 гг., и его завещаніе. Редактор М. Гершензон. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1913 года.

ISBN 978-5-458-23138-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ 1862 г. впервые книгу произведеній Чаадаева, куда вошли всѣ четыре „Философическихъ письма“, „Апология“, „Записка“ Бенкендорфу и десять частныхъ писемъ, И. С. Гагаринъ писалъ въ своемъ предисловіи: „...j'ai publié tout ce qui m'a semblé de nature à intéresser les esprits sérieux“. Такимъ образомъ, онъ напечаталъ не все, что было въ его распоряженіи, а лишь выборку, на что указывало и самое заглавіе его книги („Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées pour la première fois par le p. Gagarin, de la Compagnie de Jésus“). Между бумагами Гагарина, какъ любезно сообщилъ намъ почтенный о. Пирлингъ, сохранились письма къ Гагарину М. И. Жихарева, изъ которыхъ видно, что матеріалъ для этого изданія — весь или, по крайней мѣрѣ, бóльшая часть — былъ доставленъ именно Жихаревымъ. При этомъ послѣдній писалъ, что у него есть матеріала еще на три такихъ томика, какъ „Oeuvres choisies“.

М. И. Жихаревъ былъ племянникъ Чаадаева, близкій ему въ послѣдніе годы его жизни; ему завѣщалъ Чаадаевъ всѣ свои бумаги. Передавъ часть этихъ бумагъ Гагарину, Жихаревъ спустя нѣсколько лѣтъ сдѣлалъ новую попытку опубликовать неизданныя писанія Чаадаева; редакция „Вѣстника Европы“, которой онъ на этотъ разъ предоставилъ право печатанія, въ свою очередь нашла не все достойнымъ печати. Приступая въ ноябрьской книгѣ 1871 г. къ печатанію „Неизданныхъ рукописей П. Я. Чаадаева“, редакция писала во вступительной замѣткѣ: „Письма и сочиненія Чаадаева, сообщенныя намъ г. Жихаревымъ, составляютъ весьма значительную коллекцію, изъ которой мы старались выбрать все, наиболѣе интересное въ историческомъ отношеніи для объясненія личности и времени: остальное или слишкомъ отрывочно, или принадлежитъ къ совершенно личнымъ, дружескимъ и родственнымъ отношеніямъ Чаадаева, и не представляло, въ нашихъ глазахъ, общаго интереса“. Подлежащій напечатанію матеріалъ редакция распредѣлила на три части: 1) на письма, писанныя по-русски,

2) письма, писанныя въ подлинникѣ по-французски: ихъ рѣшено было дать въ переводѣ; и наконецъ 3) отрывки изъ сочиненій, на русскомъ и французскомъ языкахъ, — „рядъ отрывковъ и мыслей преимущественно по той религіозной философіи, которая всего больше его занимала, и по нѣкоторымъ предметамъ историческимъ и общественнымъ“. Страннымъ образомъ, аккуратная редакція „Вѣстника Европы“ оказалась на этотъ разъ неисправной: давъ въ ноябрьской книгѣ 1871 г. первую, русскую серію писемъ, она собралась напечатать вторую, французскую серію (т.-е. русскій переводъ ея) только въ іюльской книгѣ 1874 г., — и тѣмъ ограничилась навсегда: „отрывки“ такъ и не увидѣли свѣта.

Какъ подлинники, съ которыхъ печаталъ И. С. Гагаринъ, такъ и тѣ, которыми располагала редакція „Вѣстника Европы“, повидимому погибли; послѣднихъ не оказалось ни среди бумагъ Чаадаева, переданныхъ Жихаревымъ въ концѣ 70-хъ годовъ въ московскій Румянцевскій музей, ни въ архивѣ М. М. Стасюлевича; утрачены, слѣдовательно, и тѣ отрывки, которые остались ненапечатанными.

Самъ Жихаревъ болѣе не успѣлъ ничего напечатать. То, что было передано имъ въ Румянцевскій музей, представляло безъ сомнѣнія лишь незначительную часть завѣщаннаго ему Чаадаевымъ архива. Здѣсь находится огромное количество писемъ и записочекъ къ Чаадаеву (преимущественно дамскихъ), — затѣмъ копии съ современныхъ стихотвореній, выписки и пр., но меньше всего — рукописей самого Чаадаева. Куда дѣвались послѣднія, которыхъ, конечно, еще много должно было оставаться у Жихарева, неизвестно.

Такимъ образомъ, приступая въ 1904 году къ собиранію рукописей Чаадаева, я нашелъ ихъ главное гнѣздо уже разореннымъ. Поэтому настоящее изданіе отнюдь не можетъ претендовать на полноту. Утрачены, или остаются подъ спудомъ, не только большая доля частныхъ писемъ Чаадаева и упомянутые выше „отрывки“, но, что важнѣе, и нѣкоторыя изъ его „Философическихъ писемъ“, можетъ быть даже основныя.

Въ настоящее изданіе вошли всѣ писанія Чаадаева, какія донинѣ появились въ печати, и всѣ, какія мнѣ сверхъ того удалось разыскать. Такъ какъ моею цѣлью было собрать по возможности все, что вышло изъ-подъ пера Чаадаева, то въ настоящее изданіе внесены и собственноручныя письменныя „показанія“ Чаадаева, данныя имъ на допросахъ 1826 и 1836 гг., и его завѣщаніе.

Главнымъ обогащеніемъ изданія являются, безъ сомнѣнія, во-первыхъ, мистическій дневникъ Чаадаева, воспроизводимый съ подлинника (*Mémoire sur Geistkunde*), во-вторыхъ, „Отрывки“, печатаемые съ копии, хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи И. Академіи Наукъ. Все остальное, что удалось собрать, суть частныя письма Чаадаева. Благодаря любезности кн. Д. И. Шаховского, я могъ использовать значительное собраніе Чаадаевскихъ рукописей, принадлежавшее двоюродной сестрѣ Чаадаева, княгинѣ Наталіи Дмитріевнѣ Шаховской. Здѣсь нашлось большое число писемъ Чаадаева къ его кузинамъ, важныя письма его къ гр. Сиркуру и къ Неизвѣстному, и нѣсколько документовъ, не лишенныхъ значенія для его біографіи, какъ-то: его долговья расписки, посмертный списокъ его долговъ и имущества, и пр. Кн. А. В. Звенигородскій, по имѣнію сосѣдъ бывшей вотчины братьевъ Чаадаевыхъ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ., сообщилъ нѣсколько писемъ Чаадаева къ брату. Привать-доценту А. А. Вилкову я обязанъ возможностью напечатать по подлинникамъ 26 писемъ Чаадаева къ брату изъ времени его заграничной жизни. Одно письмо было передано мнѣ Е. Н. Орловой, одно—Н. Н. Сатиной, наконецъ одно сообщено покойнымъ проф. А. А. Герценомъ. Благодаря В. И. Семеvскому и М. К. Лемке я могъ воспроизвести письма, хранящіяся въ трудно-доступныхъ Государственномъ архивѣ и Архивѣ бывшаго III Отдѣленія. Изъ открытыхъ для пользованія хранилищъ наибольшее число матеріаловъ далъ Тургеневскій архивъ И. Академіи Наукъ; здѣсь нашлось не менѣе 24 собственноручныхъ рукописей Чаадаева (письма къ Н. И. и А. И. Тургеневымъ, кн. Мещерской, С. П. Жихареву) и любопытная копія-вариантъ „Апологии сумасшедшаго“. Многое нашлось также въ рукописныхъ отдѣленіяхъ И. Публичной Библіотеки (письма къ Жуковскому, Одоевскому, Шевыреву) и московскаго Румянцевскаго музея, среди бумагъ Чаадаева, отданныхъ туда Жихаревымъ, равно какъ и между бумагами М. П. Погодина и Н. В. Сущкова. Въ общемъ, изъ 185 нумеровъ, составляющихъ текстъ настоящаго изданія, 91 печатаются въ первый разъ, не считая вариантовъ (во 2-мъ томѣ) и 24 писемъ и документовъ не-Чаадаевской руки, которые, также впервые, приведены въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, 8 писемъ Чаадаева, раньше опубликованныя только въ русскомъ переводѣ, воспроизводятся здѣсь впервые въ подлинникѣ, т.-е. по-французски.

Приемы печатанія опредѣлялись самымъ существомъ дѣла.

Весь подлежавшій печатанію матеріаль естественно дѣлится на три группы: 1) изданныя и неизданныя сочиненія и письма, сохранившіяся въ подлинникахъ или копіяхъ; 2) писанія, которыя уже раньше были напечатаны въ своей оригинальной формѣ и подлинники которыхъ утрачены; 3) писанія, которыхъ подлинники утрачены и которыя были напечатаны не въ оригинальномъ видѣ, а въ переводѣ на русскій языкъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ настоящее изданіе совершенно точно воспроизводитъ наличный текстъ. Такимъ образомъ, писанія первой группы печатаются въ подлинномъ видѣ, т.-е. французскія — по французски, русскія — по-русски, и съ строгимъ соблюденіемъ орфографіи рукописей; писанія второй группы представляютъ собою, въ смыслѣ языка, оригиналь, но безъ ручательства за точность текста и орфографіи; наконецъ третья группа дается въ непровѣренномъ переводѣ печатнаго первоисточника. Тамъ, гдѣ были на лицо двѣ редакціи одного и того же сочиненія или письма, окончательная редакція дается въ текстѣ, ранняя — въ „Вариантахъ“ (во 2-мъ томѣ); гдѣ варианты были незначительны, они даны либо подъ строкою, либо въ примѣчаніяхъ.

Датировка сочиненій и писемъ представляла немалыя трудности, такъ какъ бѣольшая часть ихъ въ подлинникахъ не датированы, а въ печатныхъ текстахъ датированы часто неправильно. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ вырочали заключенныя въ самихъ письмахъ указанія или намеки на современныя событія, — на книгу, только-что вышедшую въ свѣтъ, на статью, появившуюся въ послѣдней книгѣ журнала, и т. п. Наибольшія затрудненія представила датировка писемъ къ кузинамъ; здѣсь часто приходилось руководствоваться либо очень смутными намеками, либо даже внѣшнимъ видомъ подлинниковъ, и въ этой части хронологія писемъ должна считаться сомнительной. Наконецъ часть писемъ пришлось выдѣлить въ группу „неизвѣстныхъ лѣтъ“, за полной невозможностью датировать ихъ.

Примѣчанія, напечатанныя въ концѣ перваго тома, являются прежде всего оправдательными документами въ отношеніи источника, откуда заимствованъ печатаемый текстъ, и соображеній, на которыхъ основана его датировка; тутъ же даются и необходимыя библиографическія указанія. Вторая задача примѣчаній — разъяснить намеки, заключенные въ текстѣ, и пояснить упомянутыя въ немъ личныя имена. Эта задача, чрезвычайно трудная въ отношеніи частныхъ писемъ сравнительно давняго прошлаго, исполнена

по мѣрѣ силъ: не всѣ намеки удалось раскрыть, не всѣ имена назвать. Въ примѣчаніяхъ даны также свѣдѣнія и матеріалы, которые казались нужными для болѣе полнаго уясненія текста.

Портретъ Чаадаева, приложенный къ первому тому, воспроизведенъ фирмою „Шереръ и Набгольцъ“ съ неизданнаго, сильно потускнѣвшаго портрета масляными красками, находящагося въ Музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ, факсимиле во второмъ томѣ — съ подлинника, принадлежащаго Е. Н. Орловой.

Въ заключеніе приношу сердечную благодарность какъ упомянутымъ выше лицамъ, такъ и всѣмъ, кто въ какой-либо формѣ оказалъ содѣйствіе настоящему изданію, особенно Н. И. Алмазовой, Н. А. Гольденвейзеръ, Б. Л. Модзалевскому, В. И. Саитову, В. И. Срезневскому, Н. П. Чулкову.

М. Г.

21 февраля 1913 г.

СОЧИНЕНІЯ и ПИСЬМА.

1820 г.

1.— М. Я. Чаадаеву.

С. Петербургъ. 14 Генваря 1820.

Благодарю тебя мой другъ за твое писаніе; я совсѣмъ не ожидалъ отъ тебя письма и увѣренъ былъ что ты не будешь вовсе ко мнѣ писать. Я страхъ какъ радъ что ты выходишь въ отставку; Нейдхардтъ, съ которымъ я пишу, позволить тебѣ дожидаться ее въ Москвѣ. Скажи мнѣ ради Бога чѣмъ ты боленъ? я увѣренъ что ты это себѣ вообразилъ и принимаешь скуку за болѣзнь. Изъ твоего письма видно что ты порядочнаго расположенія духа, да и Щербатовъ мнѣ сказывалъ, что слышалъ отъ Облеухова что ты веселъ et somme set autre здоровъ, тученъ и дѣлами не замученъ. Комерція Щербатова идетъ своимъ порядкомъ и онъ располагаетъ на будущее лѣто пустить корабль въ море. Храповицкій сей часъ выйдетъ въ отставку; хвала тебѣ естли твое краснорѣчіе его къ этому побудило; это славнѣе — ¹⁾ онъ заставлялъ только горы прохаживаться, а глупый человѣкъ хуже всякой горы. Ты теперь въ Москвѣ, слѣдовательно болѣе не сидишь на карячкахъ. Я не понимаю, чѣмъ ты будешь жить dans cette grande metropole, хотя и не на карячкахъ. Деньги я получилъ и всѣхъ удовольствовалъ.

2.— М. Я. Чаадаеву.

Pétersbourg, 25 Mars 1820.

Je m'empresse de Vous annoncer que Vous avez Votre congé; peut être le saves Vous déjà. Vous voilà donc libre, j'envie bien Votre sort et je ne desire veritablement que de

¹⁾ [Неразобранное слово].

me trouver aussitôt que possible dans la même situation. Si je demandais à quitter le service dans ce moment, ce serait une faveur que je demanderais, peut être l'obtiendrais-je—mais comment se résoudre à faire une demande quand on n'en [a] pas le droit? Il est possible pourtant que je finisse par là. Il n'est pas question le moins du monde de mon affaire.

Faut il vous parler des nouvelles de ce pays? Vous saurez donc qu'il y a un duel qui occupe toutes les attentions; c'était une espèce de combat judiciaire du moins quand au nombre des spectateurs qui y étaient présents, j'étais au public. L'un des combattans a succombé, c'était le propre frère de mon camarade Latschinoff, Lanskoi. Il est tombé roide mort sur la place. Je ne puis vous dire la sensation que cette mort a produite sur moi; c'était un beau jeune homme de 18 ans, fils unique. Je ne savais pas que j'étais si sensible—mais vous savez qu'il y a du ridicule même dans tout ce qui arrive de plus affligeant dans le monde. Pour ne pas donc donner de démenti à la règle mon camarade Latschinoff, le frère du défunt, s'est avisé de se tuer et il a exhalé son désespoir dans une belle lettre à Vasilitchikoff, de la plus belle écriture possible, où il parle de sortir de cette vallée de larmes, de se plonger dans l'éternité etc. etc. Ce pathos et ce galimatias insoutenable a pourtant persuadé mon imbécille, il est accouru pour lui retirer le couteau fatal des mains—ce qui a produit une scène de mélodrame tout-à-fait plaisante. Le fait est que ce frère si désespéré n'a eu connaissance du duel qu'après qu'il avait eu lieu, ce qui vous donne la mesure de la tendresse pour son malheureux frère.—

Je m'aperçois pourtant que tout en bavardant j'oublie de vous parler d'affaire c'est donc de cet autre malheureux de votre Ischavenss [?] que je vais vous parler. Ce n'est point dix mille roubles, ce n'est que 600 qui lui reviennent, et qu'il obtiendra aussitôt qu'il voudra se donner la peine de les venir prendre ou de charger quelqu'un de les toucher pour lui au moyen d'une lettre de créance qu'il lui ferait parvenir. Le moment où cet argent sera distribué sera annoncé au public par la voie des journaux; on dit que cela sera dans un mois ou deux.

Encore une grande nouvelle—et celle-la remplit l'univers; la révolution de l'Espagne est terminée, le roi s'est vu forcé de signer l'acte constitutionnel de 1812. Un peuple entier qui

s'est soulevé, une revolution terminée dans l'espace de 3 mois et pas une goutte de sang repandue, pas de carnage, pas de bouleversement, point d'excès, rien enfin qui souille une si belle oeuvre, qu'en dites vous? C'est la un bel argument qui s'est passé en faveur des revolutions. Mais il y a dans tout cela quelque chose qui nous regarde de plus près—le dirai-je? dois je le confier à cette feuille indiscrete? Non, j'aime mieux me taire; ne dit-on pas déjà que je suis un demagogue? les imbecilles! ils ne savent pas que quiconque meprise le monde ne songe pas à le corriger.

Encore une nouvelle, c'est la dernière. On a trouvé un linc ou loup cervier dans un jardin de la ville, mort de froid. Ceci est de votre compétence. Comment cet animal a-t-il parcouru les rues sans être vu? Comment a-t-il escaladé le mur? Comment n'a-t-il attaqué personne, avant de mourir de faim? en voilà pour trois jours de pâture pour vous.

Adieu mon bon ami, mon très cher frère. Je vous demande excuse, d'avoir tant bavardé, mais je ne vous promets pas de ne le faire plus; peut être aurai je encore continué si la feuille ne se refusait à recevoir mon babil. Adieu donc. Faites moi part je vous prie de ce que les conversations avec l'ami inopportun [?] vous auront rapportés. Vous serez peut être curieux de savoir comment se trouve le vas. [?] Semenofsk. après le trait noir (Schwartz) qu' on lui a joué, ce sera pour une autre fois.

1821 г.

3.— Княжнѣ А. М. Щербатовой.

[С.-Петербургъ, 2-го января 1821 года.]

Cette fois-ci ma chère Tante, je vous écris pour vous annoncer positivement que j'ai demandé mon congé. Dans un mois je compte vous écrire pour vous annoncer que je l'ai obtenu. Ma demande a fait une vive sensation sur certaines personnes. D'abord on n'a pas voulu croire que je le demandais sérieusement, ensuite on a été obligé d'y ajouter foi, mais on ne conçoit pas jusqu'à présent comment j'ai pu m'y résoudre au moment où je devais obtenir ce que j'avais eu l'air de désirer, ce que tout le monde désire tant et ce

qui est enfin regardé comme la chose la plus flatteuse que puisse obtenir un jeune homme dans mon grade. Il y a des personnes qui pensent encore que dans mon voyage à Troupau je me suis assuré cette faveur et que je n'ai demandé mon congé que pour l'encherir. Dans quelques semaines ils seront détrompés. Le fait est que je devais en effet être nommé aide de Camp de l'Empereur après Son retour, du moins d'après le dire de Wassiltchikoff. J'ai trouvé plus amusant de dédaigner cette faveur que de l'obtenir. Je me suis amusé à montrer mon mepris à des gens qui méprisent tout le monde. Vous voyez qu'il n'y a rien là dedans qui ne soit fort simple. Au fond je Vous avoue que je suis ravi de m'être soustrait à leurs bienfaits, car il faut que vous sachiez qu'il n'y a rien au monde de si bêtement arrogant que ce Wassiltchikoff et ce que je viens de faire est un véritable tour que je lui ai joué. Vous savez que je suis trop bien ambitieux pour l'être de la faveur et de la ridicule considération qu'elle rapporte. Si j'ai jamais désiré quelque chose de semblable, ce n'était que comme l'on désire un joli meuble ou un equipage élégant, en un mot comme un jouet, hé bien, joujou pour joujou. J'aime encore mieux celui de voir le depot de la sottise arrogante.

Dans deux mois tout au plus je vous reverrai. Mon frère et moi nous nous fixerons pour quelque temps à Moscou, moi jusqu'au moment où je pourrais me retirer en Suisse où je compte me fixer pour jamais et mon frère jusqu'au moment où il ira vivre dans sa terre. Vous l'y suivrez probablement? Que pourriez-vous faire de mieux? Vous vivrez tranquillement et dans une indépendance parfaite. Je viendrai vous voir tous les trois ans, tous les deux ans, peut-être tous les ans, mais mon pays sera la Suisse... Il m'est impossible de rester en Russie pour plus d'une raison...

1823 г.

4.— М. Я. Чаадаеву.

2 іюля 1823 С. Петербургъ.

Другъ прелюбезный, я не писалъ тебѣ, мнѣ хотелось пріѣхавши въ Любекъ въ одно время написать о отбытіи моемъ и о щастливомъ прибытіи въ чужую—въ обѣтованную